

(PHILOSOPHY)

Бертран
РАССЕЛ

Этика. Политика.
Философия

Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)(410)

ББК 87.3(4Вел)

P24

Серия «Philosophy — Неоклассика»

Bertrand Russell
UNPOPULAR ESSAYS
PHILOSOPHICAL ESSAYS

Перевод *Ю. Каллистратовой, В. Желнинова*

Перевод осуществлен с издания на английском языке,
опубликованного издательством Routledge,
входящим в группу компаний Taylor & Francis Group

Печатается с разрешения TAYLOR & FRANCIS GROUP
и Informa UK Limited

Дизайн обложки *Р. Алеева*

Рассел, Бертран.

P24 Этика. Политика. Философия : [сборник] / Бертран
Рассел ; [перевод с английского Ю. Каллистратовой,
В. Желнинова]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. —
384 с. — (Philosophy — Неоклассика).

ISBN 978-5-17-162828-4

В издание включены два авторских сборника Бертрана Рассела:
«Непопулярные эссе» и «Философские эссе».

«Непопулярные эссе», рассматривающие широкий круг проблем,
были написаны вскоре после окончания Второй мировой войны, когда
остро стоял вопрос: как предотвратить повторение трагедии планетар-
ного масштаба? Рассел, убежденный в том, что философские течения,
господствующие в обществе, определяют политику и милитаристские
амбиции государства, попытался обозначить в своих эссе путь к переу-
стройству мира посредством изменения философии, определяющей
политическую парадигму и жизнь рядовых граждан.

Во второй части сборника автор предлагает читателю оригиналь-
ный философский взгляд на этический свод правил, проводит многог-
ранный сравнительный анализ разных подходов к пониманию истины,
рассуждает о науке, истории и прагматизме.

УДК 1(091)(410)

ББК 87.3(4Вел)

© Bertrand Russell, 1910, 1950

© Перевод. Ю. Каллистратова, 2023

Школа перевода В. Баканова, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Непопулярные эссе

¹ Перевод Юлии Калистратовой
Редактор: М. Гарутин

ПРОЛОГ

Собранные здесь эссе написаны в разное время на протяжении последних 15 лет. Большинство из них направлено на борьбу с растущим как среди левых, так и среди правых догматизмом, который до сих пор характеризует наш трагический век. Все они посвящены этой серьезной цели, даже если кому-то кажутся несерьезными, потому что тех, кто привык к пафосу и помпе, не одолеть еще большим пафосом и помпой.

Несколько слов по поводу названия. В предисловии к книге «Человеческое познание» я заявил, что пишу не только для профессиональных философов и что «подлинная философия исследует вопросы, представляющие интерес для любой образованной публики». Рецензенты поймали меня на слове, указав, что местами книга сложна для понимания и что мое заявление якобы вводит ее покупателей в заблуждение. Не желая больше навлекать на себя подобную критику, сразу оговорюсь, что некоторые предложения в настоящем сборнике, пожалуй, способны озадачить на редкость тупых десятилеток. На этом основании я не стану называть эти эссе популярными. А раз они не популярные, то пусть будут «непопулярными».

Бертран Рассел

Философия и политика

Среди народов современной Европы британцев выделяет, с одной стороны, величие их философов, с другой — нелюбовь к философии. В обоих случаях проявляется их мудрость. Впрочем, нелюбовь к философии, возведенная в принцип, сама по себе становится философией; в Америке это зовется инструментализмом. В моем понимании, любая дурная философия опасна и потому заслуживает такого же осторожного к себе отношения, как тигры или молнии. А вопрос о том, насколько стоит полагаться на «хорошую» философию, я до поры оставлю открытым.

Связь философии с политикой — чему, собственно, и посвящена эта статья — для британцев менее очевидна, чем для жителей континентальной Европы. Эмпиризм в широком смысле характерен для либералов, однако Юм состоял в партии тори; то, что философы зовут идеализмом, обычно связывают с консерватизмом, однако Т.Х. Грин был либералом. На континенте же эта связь всегда прослеживалась более четко; там готовы скорее принять или отклонить некую совокупность доктрин целиком, чем критически анализировать ее отдельные части.

Во все времена в большинстве цивилизованных государств власти официально придерживались какой-то

одной философии; такое положение вещей повсеместно сохраняется и по сей день, за исключением стран, где преобладает либеральная демократия. Католическое духовенство опирается на философию Фомы Аквинского, советская власть — на марксизм. Нацисты отстаивали немецкий идеализм, хотя степень их приверженности Канту, Фихте или Гегелю остается неясной. Политические позиции католиков, коммунистов и нацистов неотделимы от их философских взглядов. Демократический либерализм — на его ранней, успешной стадии — был неотделим от эмпирической философии Локка. Взаимосвязь между философскими течениями и политическими системами достойна внимания, во-первых, потому, что реально существует, а во-вторых, я хотел бы понять, насколько она закономерна или (даже если не закономерна) психологически неизбежна. Какова бы ни была природа этой зависимости, философия имеет практическое значение для каждого человека, а уж господствующая философия и вовсе предопределяет, счастливо или несчастливо живет огромное количество людей.

Само слово «философия» принадлежит к терминам, смысл которых далеко не устоялся. Подобно неоднозначному понятию «религия», философия может указывать на определенные течения в истории культур, а может означать пытливость ума, что в наши дни очень ценится. В университетах демократического Запада философию считают лишь одной из сторон стремления к познанию — такой же беспристрастной, как наука, где никто не обязан делать выводы, угодные властям. Многие преподаватели философии не только открестились бы от любых намерений повлиять на политические взгляды своих учеников, но и вообще не признали бы за философией никакой роли в воспитании нравственных ценностей. Роль философа, сказали бы они, в этом смысле ничем не отличается от роли физика или химика. Познание, сказали бы они, должно быть единствен-

ной целью университетского образования, а воспитание нравственности следует оставить родителям, школьным учителям и Церкви.

К сожалению, такой взгляд на философию — к которому я, кстати, очень симпатизирую — появился совсем недавно. И даже в современном мире является исключением. С древних времен на этот счет преобладает иное мнение, именно ему философия обязана своим социальным и политическим статусом.

Этот исторически привычный взгляд на философию сложился в результате попыток связать науку с религией (или, точнее, объединить доктрину о природе мироздания и роли в нем человека с воспитанием нравственных ценностей, соответствующих представлениям о праведной жизни). От религии философия отличалась тем, что хотя бы формально не опиралась на высшую власть или традицию, а разница с наукой заключалась в возложенной на философию задаче втолковать людям, как жить. Эти две цели: космологическая и нравственная — были тесно взаимосвязаны. Порой моральные принципы философа влияли на его взгляды о природе Вселенной, иногда представления о Вселенной предопределяли его этические ценности. Последние, в свою очередь, у большинства философов обуславливали их политические предпочтения. Так, одни превозносили демократию, другие — олигархию; одни восхваляли свободу, другие — дисциплину. Почти все философские направления изобретены древними греками, а значит, противоречия, которые мы имеем в современности, существовали еще в досократовскую эпоху.

Ключевая проблема морали и политики состоит в нахождении способа примирить правила жизни в обществе с индивидуальными желаниями. До сих пор достичь этого удавалось — насколько уж удавалось — разными путями. Везде, где существует правительство, антисоциальное поведение тех, кто в правительство не входит,

пресекается уголовным законодательством; там, где внушается, что непослушание — грех, законы подкрепляет еще и религия. В странах, где духовенство обладает властью подчинять светских правителей моральному кодексу Церкви, даже монархи до определенной степени ограничены рамками закона. Примеров тому в Ветхом Завете и средневековой истории предостаточно. Земные правители, искренне верующие в божественную кару и раздачу наград и наказаний в загробной жизни, не мнили себя всесильными и боялись безнаказанно грешить. На это сетует король в «Гамлете», когда противопоставляет негибкость божественного правосудия угодливости земных судей перед монархом.

Философы, занимаясь вопросами сохранения социальной сплоченности, искали такие решения, которые меньше полагались на догму, чем официальные религии. Во многом философия возникла как реакция на скептицизм: в эпоху, когда власть догм над умами ослабла, для поддержания социально необходимого уровня веры понадобились относительно рациональные доводы. Это привело к глубокой неискренности, поразившей большую часть как древней, так и современной философии. Подсознательный страх того, что ясность мысли повлечет за собой анархию, заставлял философов прятаться за туманными рассуждениями и недосказанностью.

Среди них, разумеется, были исключения. Самыми заметными стали Пифагор в Античности и Юм в современности. Вследствие скептицизма оба придерживались в политике консервативных взглядов. Пифагор был не уверен в существовании богов и тем не менее считал, что им следует поклоняться. Философия, по его мнению, не выполняла никакой назидательной функции, поэтому для сохранения нравственности оставалось уповать на невежество большинства и его готовность верить в то, что его просвещают. Ничто, таким образом, не должно ослаблять силу народной традиции.

Похожее заключение до некоторой степени справедливо и в отношении Юма. Изложив свои скептические выводы, которые, по его признанию, не годились в качестве моральных ориентиров для жизни, он сформулировал практический совет, согласно которому никому не следовало его читать. «Лишь небрежность и невнимательность, — пишет он, — способны дать нам избавление. Поэтому я всецело уповаю на них». Хотя он и не объяснил причин, по которым отдал предпочтение тори, совершенно очевидно, что «небрежность и невнимательность» могут разве что заставить смириться со статус-кво и никогда не побудят человека отстаивать те или иные реформы.

Настроенный чуть менее скептически Гоббс также был убежден, что правители не имеют божественного начала, и тоже, следуя по пути неверия, пришел к отстаиванию крайнего консерватизма.

Пифагору «ответил» Платон, Юму — Кант и Гегель. Каждый раз философский мир вздыхал с облегчением и воздерживался от слишком скрупулезного изучения интеллектуальной обоснованности «ответа», который имел как политические, так и теоретические последствия (к сожалению, о политических последствиях «ответа» Юму позаботился не либеральный Кант, а реакционный Гегель).

И все же такие обстоятельные скептики, как Пифагор и Юм, никогда не пользовались особым влиянием; к ним прибегали разве что реакционеры, когда требовалось запугать народ и привести его к бездумному догматизму. По-настоящему могущественными противниками Платона и Гегеля были не скептики, а эмпирики: в одном случае — Демокрит, в другом — Локк. Оба ассоциировали эмпиризм с демократией и более или менее утилитарной этикой. В обоих случаях новая философия сумела произвести впечатление более благородной и глубокой, чем философия банального здравого смысла,

которую она вытеснила. И в обоих случаях — во имя величайших целей — новая философия стала опорой несправедливости, жестокости и сопротивления прогрессу. В случае с Гегелем это прослеживается более или менее четко; в отношении Платона существует некий парадокс; впрочем, недавняя книга доктора К. Р. Поппера¹ блестяще разрешает последние сомнения.

Если верить Диогену Лаэртскому, Платон придерживался мнения, что все книги Демокрита следует сжечь. Желание это исполнилось до такой степени, что до нас не дошло ни единого сочинения Демокрита. Платон вообще не упоминал о нем в своих диалогах, Аристотель дал лишь некое представление о его взглядах, Эпикур его опознал, а Лукреций переложил учение Эпикура на стихи. Благодаря счастливой случайности творчество Лукреция сохранилось. Восстановить Демокрита по противоречивым постулатам Аристотеля и поэзии Лукреция нелегко — все равно что пытаться восстановить Платона по опровержениям его идей Локком и стихотворению «Однажды в полночь вечность видел я...» Генри Воэна. Однако для того, чтобы объяснить и осудить ненависть Платона, этого вполне достаточно.

Демокрит (вместе с Левкиппом) знаменит главным образом как основатель атомизма, который он отстаивал, несмотря на протесты метафизиков, повторенные их последователями — вплоть до Декарта и Лейбница. Впрочем, атомизм составлял лишь часть его общей философии: он был материалистом, детерминистом, свободным мыслителем, прагматиком, не любившим сильные эмоции и убежденно верившим в эволюцию — как астрономическую, так и биологическую.

Подобно людям, разделявшим схожие взгляды в XVIII веке, Демокрит был рьяным демократом. «Бедность и демократия, — говорит он, — куда предпочти-

¹ «Открытое общество и его враги». Тот же тезис поддержан в «Истории западной философии». — *Примеч. авт.*

тельное того, что зовется процветанием под властью деспота, так же как свобода предпочтительнее рабства». Он был современником Сократа и проживал в одном городе с Протагором; расцвет его пришелся на ранние годы Пелопоннесской войны, до конца которой он, скорее всего, не дожил. Война, охватившая всю Элладу, по сути, сводилась к конфликту между демократией и олигархией. Спарта отстаивала олигархию, равно как родные и друзья Платона, оказавшиеся таким образом предателями. Считается, что их предательство внесло свою лепту в поражение Афин. После того поражения Платон занялся восхвалением победителей, описав утопию, главные черты которой навеяны конституцией Спарты. Ослепленные его недюжинным литературным талантом, либералы проглядели реакционные наклонности Платона, зато его более поздние апостолы, Ленин и Гитлер, сделали их практическим руководством¹.

Тот факт, что политические аспекты платоновского «Государства» до сих пор восхищают вполне достойных людей, является, пожалуй, самым поразительным примером литературного снобизма в истории. Давайте рассмотрим несколько постулатов этого тоталитарного трактата.

Главная цель образования, которой подчинено все остальное, — воспитать мужество в сражении. Для ее достижения необходимо введение строжайшей цензуры сказок и историй, которые матери и няньки рассказывают детям на ночь; Гомера следует запретить, потому что этот исписавшийся стихоплет порочит героев и насмехается над богами; драмы запретить, потому что в них присутствуют злодеи и женщины; музыку разрешить строго определенного типа, что в наше время соответствовало бы патриотической песне «Правь, Британия!»

¹ Я сравнил в 1920 году Советское государство и платоновскую Республику, что вызвало у меня равное возмущение как коммунистами, так и последователями Платона. — *Примеч. авт.*

и «Маршу британских гренадеров». Власть должна принадлежать кучке олигархов, практикующих мошенничество и обман — подтасовку в жеребьевке в евгенических целях и тщательно проработанную ложь, убеждающую население в биологической разнице между высшим и низшим классами. И наконец, для детей, рожденных вне правительственного отбора по жеребьевке, должно быть учреждено массовое детоубийство.

Счастливы ли граждане такого государства, значения не имеет, говорят нам, так как величие проявляется в целом, а не в отдельных его составляющих. Платоновский полис — копия вечного города на небесах; возможно, на небесах такое существование и будет нам в радость, а то, что оно не устраивает нас здесь, на земле... Ну что ж, тем хуже для нас.

Убедительность такой системы является результатом аристократических предрассудков, помноженных на «божественную философию»; без последней гнусность системы была бы очевидной. Красноречие по поводу добра и незыблемости убаюкивает читателя, внушает ему уверенность в том, что править надлежит мудрым и что их главным стремлением должно быть сохранение статус-кво, подобно идеальному царству на небесах. Любой человек твердых политических убеждений — а древние греки славились горячностью в политике — понимает, что «добро» означает представителей собственной партии и что, если им удастся утвердить желаемую конституцию, дальнейших изменений не потребуется. Вот как рассуждал Платон, но, окутав свои мысли метафизическим туманом, он придал им безличный и объективный вид, который потом веками дурачил мир.

Идеал статического совершенства, унаследованный от Парменида и воплощенный Платоном в его теории, нынче широко признается неприемлемым для человеческого общества. Человек — зверь неутомный, он не станет, подобно удаву, наедаться раз в месяц и спать все